

СКАЗКИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Вадим
Кучеренко

16+

Вадим Иванович Кучеренко

Сказки для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35732968

SelfPub; 2024

Аннотация

Взрослые, как и дети, нуждаются в сказках. Ведь они ищут ответы на неразрешимые вопросы, которые задает им жизнь. Например, как жить тому, кто родился таким уродливым, что все с презрением называют его выродком, а он вдруг полюбил? Или тому, кто предал даже самого себя, рассчитывая получить за это достойную плату, но просчитался, потеряв самое дорогое? И подобных вопросов множество. Прочитайте эти сказки для взрослых, и, быть может, вы получите ответы на некоторые из них.

Содержание

Предисловие	4
Девочка с небесными глазами	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вадим Кучеренко

Сказки для взрослых

Предисловие

В год активного солнца, который называют високосным, а кто-то – безумным, океану приходится тяжело, но еще хуже тем, кто населяет его. Солнечные лучи, как шпаги тореадоров, пронзают океанские воды насквозь, проникают в самые укромные впадины и тревожат их глубоководных обитателей, привыкших к вечной тьме. Они выплывают на поверхность, а шторм или прилив безжалостно выбрасывают несчастных на берег. Что за дело великому океану, вступившему в единоборство с самим солнцем, до их жалкой судьбы...

После отлива берег часто бывает усеян ракушками, пустыми или с жемчужиной внутри. Но в некоторых живут улитки. Можно приложить раковину с улиткой к уху и послушать, что говорят эти крошечные живые существа. Тому, кто умеет их понимать, открывается необыкновенный мир. В памяти улиток хранится множество историй, которые они рассказывают сами себе на морском дне, когда, запершись в своей раковине, скучают, пережидая бурю.

Вот некоторые из этих историй...

Девочка с небесными глазами

Он встретил ее слишком рано, чтобы захотеть удержать. Да и как удержать вспышку молнии, падающую звезду или любовь, которая еще не расцвела?

– Девочка с голубыми, как небо, глазами, кто ты? – спросил он.

– Я не знаю. Я брожу по миру, собираю цветы, пою песни, люблю восходами и закатами. И мечтаю.

– Девочка с небесными глазами, почему ты одна?

– Я еще не встретила человека, который, как и я, любил бы по ночам смотреть на звезды и просыпаться на рассвете от щебета птиц с улыбкой.

– Девочка с глазами цвета неба, куда ты идешь?

– Я иду за синее море, туда, где в полях колосится густая рожь, леса светлы, прозрачны реки, и все люди счастливы, а отчего – не поймешь.

– Ты вернешься?

– У тебя тоже голубые глаза, но они холодны, как лед, – ответила она. – Прощай!

Прошли годы, и лед в его глазах растаял. Теперь в них плескалось синее море. И когда ему становилось грустно, и море темнело, он вспоминал о девочке с небесными глазами и переставал чувствовать себя одиноким. И это давало ему силы жить.

Г

город без солнца

Человек бежал, а встречный ветер, жесткий и злой, наотмашь хлестал его по лицу. Ноги, сбитые в кровь, оставляли алый след на земле, и волки, бегущие по этому следу, задирали свои морды и в непонятной тоске выли на бледную зарождающуюся луну.

Но вот солнце, чиркнув по краю неба последним лучом, упало в поросшую фиолетовым мхом седловину, и сумерки окутали мир. Отчаянный крик человека на миг разорвал опускающуюся тьму на лоскутья. И это жалкое рубище, накинутое ему на плечи, не могло скрыть царственную статью человека, бросившего вызов самой природе...

Всего несколько часов назад Феликс был счастливейшим из смертных. С него сняли повязки, наложенные после операции, и долгие годы слепоты взорвались фейерверком красок и впечатлений. Он увидел мир, который намного превзошел его самые дерзкие и фантастические сны. Самые чуткие пальцы и самые красочные описания не могут сказать о том, что видишь взглядом. Он пил глазами окружающий его мир и никак не мог утолить своей жажды. Пытался сосчитать, сколько цветов и оттенков существует в природе, и сбился со счета, находя в одной только радуге их более ста. Он стремился рассмотреть даже то, что скрыто от глаз человеческих – бездонность неба, трепетность облаков, порывистость ветра...

И вдруг небо стало темнеть, краски поблекли, синева стужилась и поглотила перистые облака, а разноцветные бабочки, тревожно порхая, на глазах превращались в серых мотылей. Из мира понемногу уходила радость, обесцвечивая его и наводя уныние и тоску.

Солнце клонилось к закату.

И Феликс бросился за ним в погоню. Солнце не должно было покидать его державу. Его душе оно было необходимо как воздух легким, его душа просила тепла и света как милости...

Тьма объяла землю, вселяя страх в душу. Последний стон исторгла грудь Феликса, и тишина обрушилась на мир, расплавив все сущее в единое ничто. Но она длилась недолго, вскоре треск кустарника, сопение филинов, испуганный писк бурундуков и зловещее дыхание диких зверей поглотили тишину, заменив симфонию солнечного света какофонией ночных звуков.

И сквозь сердцевину лесной гаммы, непроизвольной и естественной, и оттого будто живой, вдруг прошла стальная игла иных звуков, пульсирующая, словно темная кровь в набухших венах, но без ритма, хаотически. Гул этот шел из-за холма, у подножия которого упал человек. Феликс услышал – ему было привычно ориентироваться по слуху, – что где-то рядом жизнь еще не умерла и – кто знает? мелькнула в его голове горячая мысль, – может быть, он рано отчаялся...

Феликс поднялся на холм.

Он увидел мириады многоцветных огней. В этом бездымном красочном пламени сгорал целый город, раскинувшийся по ту сторону холма, тысячи домов, площади и перекрестки, улицы и переулки, бульвары и парки. И повсюду смеялись и танцевали люди. Жажда наслаждений осязаемо окутывала город. И как звук одной дудочки вел за собой полчища послушных крыс, так и она не оставляла в сердцах жителей этого города других желаний, кроме одного – утолить ее.

На этот город взирал с вершины холма одинокий человек. В глазах его бушевало пламя, но это не было отражение городских огней. Оно было пронзительно алое, подобно последнему солнечному сгустку, оросившему землю, а совсем не многоцветное, как там, внизу. Отражением другой мечты светились глаза человека. Но город манил, обещая все, что можно в этом мире купить, отдать в эту ночь бесплатно.

И Феликс, повинуясь этому зову, и словно против своей воли, спустился с холма. Вошел в гостеприимно распахнутые городские ворота. И сразу же хоровод ряженных, длинноносых, краснорожих, полосатых и хохочущих подхватил его и увлек за собой, крутил, тискал, мял, кричал в самые уши, опутывал конфетти и не выпускал, пока он, помятый растрепанный и оглушенный, не упал, запнувшись о скамейку, вросшую в землю у калитки в кирпичной ограде, за которой зиял выбитыми окнами какой-то старый, заброшенный домишко. Феликс не почувствовал ни боли, ни обиды. Он поднялся, присел на скамейку и превратился из участника в

зрителя.

Феерия, подобная северному сиянию, бушевала на улицах и площадях, ослепительная и неповторимая. Здесь, в тени, отбрасываемой стеной, сложенной из выщербленных временем кирпичей, царил полумрак.

– Они смеются, потому что счастливы, а счастливы оттого, что здесь так много огней, и даже солнце было бы незаметно среди них, – вдруг пришла в голову Феликса мысль, и он повторил ее вслух, привыкнув за предшествующие годы слепоты, отделившей его от остального мира, разговаривать сам с собой.

Но ему неожиданно ответил другой, не его внутренний, голос.

– Да, они смеются, но кто тебе сказал, что они счастливы?

Феликс, ошеломленный всем происходящим, не заметил, что на другом краю скамейки, опершись спиной об ограду, сидит кто-то, невидимый в полутьме, и только изредка вспыхивающий огонек сигареты иногда обрисовывал его профиль.

– А разве можно так веселиться, если ты не счастлив? – искренне удивился Феликс.

– Некоторые веселы оттого, что надеются на лучшее, потому что сейчас им хуже некуда, – ответил его невидимый собеседник. – Другие, как попугаи или мартышки, повторяют их звуки и движения. Поверь, очень немногие действительно радуются этой ночью. Это те, кто сыты и пьяны, и

уверены, что и завтра будет так же, и умрут они, не узнав, что такое голод и жажда.

– Но если так, то они не узнают, и что такое счастье, – возразил Феликс.

– А зачем оно им, это беспокойное счастье? – рассмеялась тень, и огонек сигареты вспыхнул ярче. – И солнце им совсем не нужно, от солнечных лучей в их шкурах могут завестись черви. Потому что на самом деле они уже давным-давно умерли.

– Солнце? – встрепенулся Феликс и встал, взволнованный. – Скажи мне, где оно? Куда мне идти за ним?

– Зачем? Оставайся здесь. Смотри, как им хорошо и без солнца. Ты тоже скоро привыкнешь. Тебе начнет резать глаза солнечный свет, и ты будешь днем скрываться в доме, за закрытыми шторами, а выходить на улицу только вечером, когда зажгут фонари. И тебя не будут беспокоить напрасные мечты...

– Замолчи! – вскрикнул Феликс и сжал кулаки. – Ты издеваешься надо мной. Что я сделал тебе плохого?

– Мне предпочтительнее искусственный свет, тебе нужен естественный. Этого довольно, чтобы возненавидеть. – Тень докурила сигарету, и окончательно исчезла во мраке, остался только ее голос. – А впрочем, я только даром теряю с тобой время. Местные жители приняли решение возвести над городом купол, чтобы защитить себя от солнца. И в честь этого события устроили торжество. Они празднуют поминки

по солнцу, и потому так веселятся. Ты это хотел узнать?

– Нет! – закричал Феликс. – Ты лжешь!

Он чувствовал, что еще несколько мгновений – и тьма, не имеющая образа, а только голос, пришепетывающий, обволакивающий, беспощадный, завладеет им, и он, обессиленный, потерявший веру, отчаявшийся, покорится и навсегда останется в этом городе, который отрекся от солнца. Феликс, преодолевая слабость, бросился прочь, из мрака на свет. Это был искусственный свет, но он все-таки рассеивал тьму, и можно было уже не страшиться, что незнакомец последует за ним, продолжая нашептывать ему в ухо слова, от которых можно сойти с ума, если принять их на веру. Почему-то Феликс был в этом уверен.

А город пел и плясал, и не было предела буйству разгулявшейся плоти, и все, казалось, только начинается, и вместо одного, упавшего от усталости, вставало несколько новых гуляк. А тот, кто падал, подняться мог порой уже только в день Страшного суда, затоптанный сотнями ног. Хруст костей и стоны покалеченных были не слышны в гвалте ревушей толпы, да никто и не вслушивался. Они снова и снова пели одну и ту же песню, аккомпанируя себе возбуждающим ритмом барабанов. Городской муниципалитет своим указом, единогласно принятым всеми его членами утром этого дня, приказал считать ее гимном города и растиражировал текст в специальном выпуске местной газеты, и каждый патриотически настроенный горожанин уже к вечеру выучил ее на-

изусть.

Тысячи глоток во всю свою мощь ревели:

– Мрак распяли лучи.

Пробуждается день.

Больше сыч не кричит,

Забившись в тень.

Звери: волки и львы –

Уходят спать.

Барсуки и ежи

Выбегают играть.

Встает над землей

Смертоносный диск.

Все чаще и яростней

Птичий писк.

Земной шар на рассвете,

Умытый росой,

Ясен и светел,

Как дом родной.

Только мне не в радость

Жизни ярь.

В глухую заводь

Ныряю как встарь.

В ней до заката продремлю.

Ночь лишь залечит

Тоску мою.

Тьма поглощает солнца луч.

Уходи, уходи! Ты слишком жгуч!

Жители города хором скандировали будто вычеканенные на металле строфы, и постепенно, подчиняясь их внутренней силе, толпа переплавлялась в стройные колонны, марширующие по улицам города под барабанную дробь. Хаос на глазах трансформировался в порядок, массы превращались в армию, готовую выполнить любой приказ. Им не доставало только вождя, который отдал бы такой приказ и повел бы их за собой. Но уже ходили слухи, что вождь появился, и скоро он обратится к народу. Это известие вдохновило горожан, и праздник обрел новую мощь.

И только один человек, как потерянный, бродил по улочкам этого города, бездомной собачкой тыкаясь во все проулки в поисках выхода и не находил его, и все кружил и кружил по этому лабиринту. А грозное чудовище, казалось, уже настигало его, рычало за спиной, угрожая смять, расплавить и перелить в единую массу. Иногда из общего гула до Феликса доносились клочки отдельных фраз.

– Вы слышали, сосед, в каждом дворе будет по три фонаря!

– Но мне говорили – кто сколько захочет. Я лично уже заказал пять.

– Боюсь, тогда на всех не хватит.

– Что вы, сосед, все заводы переходят на выпуск фонарей самых современных конструкций. Любой понимает, как необходимы нашему городу фонари!

– И не говорите! Ведь на фонарях так удобно вешать...

– А вы слышали, соседка? Говорят, что Иисуса распяли на фонаре!

– Это сущая правда, я сама слышала.

– Вот бы купить этот фонарь! Он бы так украсил мою коллекцию.

– Ну, милая, проще еще одного Христа распять!..

– А вы знаете?

– Разумеется, об этом уже все говорят! Городской голова подписал проект, согласно которому с наступлением утра над нашим городом будет возводиться купол, совершенно непрозрачный.

– Дождались, слава те!

– А вы уже внесли деньги на строительство купола?

– Нет. Но обязательно!..

– А вы слышали? Я сама не верю! Говорят, в городе какой-то чудаки требует, чтобы вернулось солнце.

– Да он просто сумасшедший!

– На фонарь его!

– Ха-ха-ха!

Феликс шел, продираясь сквозь водоворот фраз, жестов, сопения и ухмылок, и чувствовал, что дышать ему становится все тяжелее, будто в воздухе уменьшается количество кислорода и прибавляется углекислоты. И, может быть, жители этого города научились дышать именно этим газом, думал он, а от кислорода они задыхаются. Свет в его глазах мерк-

нул, и земля плыла под ногами, из которых снова сочилась кровь.

И он уже не видел, как начали изменяться вокруг краски. Румяна на лицах постепенно превращались в ржавчину, а иллюминация – в серые брызги, едва различимые на фоне побледневшего неба. Уже можно было заметить, что разинутые в широкой ухмылке рты нарисованы грубыми мазками, а блеск глаз наведен свинцом, и горожане не танцуют, а шатаются от усталости.

Все меньше и меньше становилось на улицах людей, и уже одичавшие коты осмеливались перебегать дорогу, а крысы, напуганные их появлением, с писком юркнули по темным подвалам и притаились.

Первая, очень тихая, птичья трель послышалась в вышине.

А Феликс все шел и шел, пока не вышел на главную городскую площадь, вымощенную каменными плитами. Здесь ноги его подкосились, и он рухнул на землю, у подножия какого-то памятника, чувствуя, как в груди его зарождается тоскливый протяжный вой. Он поднял голову, чтобы дать ему излиться свободно и безнадежно.

И солнечные лучи ослепили его, осушили влагу в глазных впадинах. Бездонное прозрачное небо поразило его. Песнь малой птахи, славящей приход нового дня, влилась ему в самое сердце...

Феликс встал, и все ужасы прошедшей ночи покинули его.

Он спросил у первого, кто встретился ему, как пройти к городским воротам, через которые он вошел в этот город накануне вечером. И тот пояснил, ничего не выспрашивая, и ушел своей дорогой, насвистывая веселый мотивчик из какой-то оперетты. Это был пекарь, и он спешил в свою пекарню, чтобы успеть напечь булок к тому часу, когда город начнет пробуждаться. Всю ночь он безмятежно проспал, не выходя из дома, и сейчас, в столь раннее утро, был на удивление жизнерадостен.

Ворота оказались совсем рядом, надо было пройти всего сотню-другую шагов по одной из улиц, которые веером расходились от главной городской площади. Еще издали Феликс увидел, что они по-прежнему были не заперты.

А за воротами лежала дорога, ведущая из этого города за горизонт. И Феликс пошел по ней, легко и бодро ступая. Ни тени усталости не было в его голубых глазах, потому что, в сущности, он был в самом начале пути.

В

ыродок

К вечеру небо нахмурилось, предвещая непогоду. Село будто вымерло, и даже собаки не брехали, а только поскуливали, страшась приближающейся грозы. В доме кузнеца, стоявшем на окраине села, еще не спали, когда в раму окна постучали робкой рукой. Стук слился с отдаленными громовыми раскатами. Но кузнец заметил тень, заслонившую всполохи редких молний. Это была нищенка, неразличимых

под темным платком и пылью пройденных дорог лет, в ветхом, заплате на заплате, просторном черном платье до пят, схожим с монашеской рясой. Шла она на богомолье в отдаленный монастырь и просилась переночевать.

– Утром чуть свет уйду, а то и раньше, – обещала она, униженно кланяясь и почти плача. – Мне бы только грозу переждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.